

Научная статья

УДК 821.161. 1.

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-8-19

«ЕГО СОЧИНЕНИЯ – ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ ТОЙ ЭПОХИ» (БЕЛИНСКИЙ): К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЕНИСА ИВАНОВИЧА ФОНВИЗИНА

Белукова В. Б.

АНОВО «Московский международный университет», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: zaglobav@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Аннотация

Цель. Изучить оценку прозы и драматургии, а также значимости личности Д. И. Фонвизина писателями и поэтами – его современниками – и литературоведами XX–XXI вв. в аспекте художественной онтологии писателя. Данный подход даёт возможность обновить представления о значении высказываний творческих личностей о своём собрате по перу как для характеристики персонажей в творчестве драматурга и деятеля-просветителя Дениса Ивановича Фонвизина, так и для оценки его художественных принципов в целом. В статье оценивается разнообразие ракурсов воспоминаний о деятельности Фонвизина, исследуется уникальность и культурно-историческая ценность его наследия.

Процедура и методы. Автором предложен анализ работ кн. Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), посвящённых творчеству Д. И. Фонвизина. Подход к раскрытию проблемы зиждется на свидетельстве авторов разных эпох и времён, что позволяет судить об очевидной схожести взглядов авторов на литературно-художественный процесс в целом и на наследие Д. И. Фонвизина в частности.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности критического подхода писателя кн. Петра Вяземского к наследию Фонвизина. Делается вывод о необходимости овладения основами мастерства критика на используемом материале.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к оценке творчества Фонвизина в критическом потенциале писателей-критиков.

Ключевые слова: Вяземский, Гуковский, история отечественной литературы, Люстров, писатели-критики, писательское мастерство и ремесло, Рассадин, Фонвизин, художественные особенности

Для цитирования:

Белукова В. Б. «Его сочинения – живая летопись той эпохи» (Белинский): к 280-летию со дня рождения Дениса Ивановича Фонвизина // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 8–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-8-19>

Original research article

“HIS WORKS ARE A LIVING CHRONICLE OF THAT EPOCH” (BELINSKY): ON THE 280TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF DENIS IVANOVICH FONVIZIN

V. B. Belukova

Moscow International University, Moscow, Russian Federation

e-mail: zaglobav@mail.ru

Received by the editorial office 22.01.2025

Accepted for publication 30.01.2025

Abstract

Aim. To study the assessment of prose and drama, as well as the significance of the personality of D. I. Fonvizin by writers and poets – his contemporaries – and literary scholars of the 20th–21st centuries in the aspect of the writer's artistic ontology. This approach makes it possible to update ideas about the significance of statements by creative individuals about their fellow writer both for characterizing the characters in the work of the playwright and educator Denis Ivanovich Fonvizin, and for assessing his artistic principles in general. The article evaluates the variety of perspectives of memories of Fonvizin's activities, examines the uniqueness and cultural and historical value of his legacy.

Methodology. The author offers an analysis of the works of Prince Pyotr Andreevich Vyazemsky (1792–1878), dedicated to the work of D. I. Fonvizin. The approach to the disclosure of the problem is based on the testimony of authors from different eras and times, which allows us to judge the obvious similarity of the authors' views on the literary and artistic process in general and on the legacy of D. I. Fonvizin in particular.

Results. In the course of the work, the features of the critical approach of the writer Prince Pyotr Vyazemsky to the legacy of Fonvizin were identified. A conclusion is made about the need to master the basics of the skill of a critic on the material used.

Research implications. The author managed to offer a new approach to assessing Fonvizin's work in the critical potential of writers-critics.

Keywords: Vyazemsky, Gukovsky, history of Russian literature, Lyustrov, writers-critics, writing skill and craft, Rassadin, Fonvizin, artistic features

For citation:

Belukova, V. B. (2025). "His Works Are a Living Chronicle of That Epoch" (Belinsky): On the 280th Anniversary of the Birth of Denis Ivanovich Fonvizin. In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 8–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-8-19>

Введение

Приступая к жизнеописанию великого русского драматурга Дениса Ивановича Фонвизина, кн. П. А. Вяземский сетовал: «Наша народная память незаботлива и неблагоприятна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего» [1]. И хотя это *вчерашнее* отделено от нас на два с половиной века, думающий читатель способен узреть, что те вопросы, которые были актуальны как во время недолгой земной жизни самого драматурга Фонвизина (1745–1792), как во время здравствования его первого биографа, кн. Вяземского (1792–1878), так и сегодня, в XXI в., не потеряли своей актуальности. Отметим, что во времена кн. Вяземского фамилия драматурга нередко писалась через дефис, хотя Пушкин ещё в 1824 брату Льву писал: «Не забудь Фон-Визина писать

Фонвизин. Что он за нехрист? Он русский, из перерусских русский»¹; но «Фон-Визин», или «Фон-Визен», стал Фонвизиным только к концу XIX века, когда известный филолог Николай Саввич Тихонравов ввёл слитное написание, а до тех пор в написании его фамилии путались.

К жизнеописанию и критическому анализу творчества Фонвизина подходили многие литературоведы и писатели: например, уже упомянутый кн. Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878) – поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель и первый биограф Фонвизина; известный русский филолог, историк русской литературы, археограф, ректор Московского университета (1877–1883), представитель культурно-исторической школы в россий-

¹ Пушкин А. С. Письма 1815–1830 годов // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1977. С. 112.

ском литературоведении Николай Саввич Тихонравов (1832–1893), издавший под редакцией Л. Н. Майкова «Материалы для полного собрания сочинений Фонвизина» (1894); Семён Афанасьевич Венгеров (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, библиограф и редактор, составитель и редактор историко-литературного сборника в двух томах «Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов», представляющего собой комментированное собрание произведений русских поэтов с библиографией (1894, 1901), где была помещена библиографическая редкость: стихотворение «Чортик на дрожках», считавшееся принадлежащим перу Фонвизина (отметим, что Тихонравов включил это стихотворение в свои «Материалы», но сомневался в окончательной атрибуции данного произведения); Кирилл Васильевич Пигарёв (1911–1984) – литературовед и музейный деятель, правнук и биограф Ф. И. Тютчева, филолог, защитивший первую докторскую диссертацию по творчеству Фонвизина (1954); Абрам Львович Штейн (1915–2004), литературный и театальный критик, литературовед, историк театра, доктор искусствоведения, профессор, член Союза писателей СССР и Союза театральных деятелей, который свой первый научный труд послевоенного 1945 года посвятил Д. И. Фонвизину. В «оттепельное» время появились работы литературоведов и критиков Георгия Пантелеевича Макогоненко (1912–1986) и Любови Ивановны Кулаковой (1906–1972); Станислава Борисовича Рассадина (1935–2012), советского и российского литературного критика, литературоведа, писателя, специалиста по детской литературе; Люстрова Михаила Юрьевича (р. 1970) российского литературоведа, доктора филологических наук, профессора, сотрудника ИМЛИ РАН.

Критики, литературоведы, историки литературы – все они обращались к биографии и творчеству Фонвизина, понимая, что «Фонвизин – первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно

изучать, но которого читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью: его сочинения – живая летопись той эпохи» [2, с. 645]. И вместе с тем исследователей привлекали не только особенности литературного таланта Фонвизина и его творческое развитие, но и «внутренний мир и обстоятельства жизни одного из самых интересных и умных людей России второй половины XVIII века, весельчака, ворчуна и “страдальца”» [3, с. 7], человека, «стоявшего подалее от других (при свите царицы Екатерины II. – В. Б.) средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами, показывал, что он не принадлежал к числу придворных».¹

Руководствуясь высказыванием Михаила Гершензона о задаче критика «не оценивать произведение, а, узрев самому, учить и других ... читать медленно, так, чтобы каждый мог увидеть, потому что каждый воспримет это видение по-своему» [4, с. 18], мы попытаемся раскрыть, как *медленное чтение* собратьев по перу превращает обыкновенный жизненный материал одного человека в интереснейший документ эпохи. Для этого обратимся к наследию первого биографа Д. И. Фонвизина – кн. П. А. Вяземского, родившегося в год смерти Фонвизина.

«Одинокое лицо писателя Фон-Визина вошло в общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила живую рамою написанное мною его изображение» (кн. П. А. Вяземский)

Как ни странно, но холера 1830 г. оказалась благоприятным временем не только для творчества А. С. Пушкина, создавшего в болдинском карантине свои мировые шедевры: первоначальная задумка кн. Вяземского статьи о Фонвизине

¹ Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 1: М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 237.

тогда же «разрослась в книгу»: «Фон-Визин явился мне тогда на помощь и в отраду» [1], как напишет он в Предисловии 1848 года. Находясь в своей подмосковной вотчине, знаменитом Остафьеве (ныне район Щербинки), он написал стихотворение «Осень 1830 года», где нарисовал классическую поэтическую картину, в коей противопоставлены торжество красоты природы и безжалостное наступление и воцарение смерти:

*Как осень хороша! как чисты небеса!
Как блещут и горят янтарные леса
В оттенках золотых, в багряных переливах!
Как солнце светится в волнах, на свежих нивах!
Как сердцу радостно раскрыться и дышать,
Любуясь кругом на божью благодать.
Средь пиршества земли, за трапезой осенней,
Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней,
Что зимней ночи мрак последует за ней,
Как веселы сердца доверчивых гостей.*

*Но горе! тайный враг, незримый, неизбежный,
Средь празднества потряс хоругвию мятежной.
На ней начертано из букв кровавых: Мор.
И что вчера ещё увеселяло взор,
Что негу чистую по сердцу разливало:
Улыбчивых небес лазурное зеркало,
Воздушной синевы прозрачность, и лугов
Последней зеленью играющий покров,
И полные ещё дыханьем благовонным
Леса, облитые как золотом червонным, –*

*Весь этот пышный храм, святылище красот,
Не изменившийся, сегодня уж не тот;
Не в радость пёстрый лес и ярких гор вершина,
Печальным облаком омрачена картина:
Тень грозной истины лежит на ней. Она
В хладеющую грудь проникнула до дна.
Из истин истина единая живая,
Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
И сердце, сжатое боязнью и тоской,
Слабеет и падёт под мыслью роковой.¹*

Вяземский, обладая обширной библиотекой, которая и сейчас вызывает искреннее восхищение, имея «много рукописей,

записок и писем, относящихся до царствования и эпохи Екатерины Великой», читая «старые русские книги и старые русские журналы», признавался, что погрузился во время Фонвизина с «любопытством и добросовестностью» [1], что и привело к результату – этот труд стоит на первом месте среди других жизнеописаний Фонвизина.

Отмечая, что Фонвизин «был современником эпохи благоприятной, был действующим лицом на сцене петербургской, в сей сфере деятельности русской, в сём средоточии русской гражданственности» [1], Вяземский и сделал весьма справедливые выводы, что «эпоха, современная молодости Фон-Визина, носит на себе признаки противоположного фанатизма – фанатизма свободы мыслящей, неограниченных исследований, нетерпеливых покушений ума разрешать себя от уз тягостной опеки давности и вступить со дня на день в права и независимость совершеннолетия» [1]. Это дало возможность в дальнейшем исследователям жизни и творчества Фонвизина отметить, что хоть его жизнь и была «не богата событиями: он не участвовал ни в войнах, ни в революциях, не занимал высоких государственных постов, был верным секретарём опального министра, любящим мужем, почтительным сыном и заботливым братом, в меру способностей, но без особого успеха вёл коммерческие дела и с большой охотой путешествовал по Европе» [3, с. 5], но было в его натуре то, что выделяло его среди других современников: «необыкновенный сатирический дар, живость характера и природная наблюдательность» сделали его «одним из ярчайших деятелей Екатерининской эпохи...» [3, с. 12], во время которой прошла его основная, сознательная, короткая земная жизнь и к которой он настроен был весьма сурово: «Политическое бытие России никуда не годится, и необходимо круто менять его во имя спасения не дворянства только, а всей страны, всего народа, и за это надо бороться до последнего – таков был, и не его одного, **воинствующий** (выделено нами. – В. Б.) вывод из тяжких уроков крестьянских восстаний и

¹ Вяземский П. А. Стихотворения // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: художественная литература, 1982. С. 197–198.

потёмкинском режиме» [5, с. 157]. Но воевать можно не только пушками – слово, может быть, одно из наиболее действующих орудий, но, к сожалению, не из самых быстрых. И Фонвизин это хорошо понимал, когда, став помощником графа Н. И. Панина, принял активное участие в создании глубокого труда – «Рассуждение о неперемennых государственных законах» (1773), который при жизни Фонвизина не был опубликован. Это «Рассуждение...» было вступлением к документу, созданному видным государственным деятелем графом Никитой Ивановичем Паниным, а после его смерти поддержанному его братом Петром Ивановичем Паниным для наследника Павла I, воспитателем которого Н. И. Панин был с детства. Но ни оба Паниных, ни Фонвизин не дожили до вступления на престол Павла Петровича, а в свои 42 года, когда пришло его время, Павел I был уже далеко не тем юношей, который внимал свободолюбивые идеи своих наставников. Он, может, и понимал: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей», он, может, и признавал, что следствие этого: «Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать» и «Кто может – грабит, кто не может – крадёт», он, может, и был согласен, что вселившиеся в человека *дух любоначалаия и дух праздности* совместно с *привычкой к лениности* приводят к тому, что «рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным»¹, да сам он уже был другим и исправить уже ничего не мог – его тирания вошла в анналы истории многочисленными анекдотами. Чем кончилось для Павла I небрежение советами мудрого наставника, хорошо известно.

**«Фон-Визин – один из малого
числа писателей наших, которые
выразили себя в сочинениях своих»
(кн. П. А. Вяземский)**

Вяземский, исследуя дошедший до его времени эпистолярный Фонвизина, называет имена знатнейших и влиятельнейших личностей фонвизинского времени, как то: министр внешних дел и воспитатель наследника, Павла I, упомянутый уже граф Н. И. Панин, который «не ошибся, приблизив к Павлу Фонвизина, – он оказался мужественным писателем, умелым организатором общественных сил» [5, с. 159]; авторитетный военачальник А. И. Бибиков; министры и послы в западных странах; княгиня Е. Р. Дашкова; дипломат Я. И. Булгаков – все они с должным пиететом относились к Фонвизину и его творчеству. По замечанию Вяземского, все адресанты были уверены в прямодушности адресата и его «усердии к общей и частной пользе» [1]; высокородные вельможи, которые писали письма Фонвизину, выражали в них своё уважение ему. Сетую на то, что дошедшие документы эпохи были весьма неполными и носили обрывочный характер, Вяземский с прискорбием рассуждал о том, «как мало дорожили и дорожат у нас поныне следами умственного бытия, с какою младенческою беспечностию предаётся у нас забвению и тлению всё то, что должно бы со тщанием и набожным чувством быть хранимо в архивах семейных!» [1]. Как актуальны эти слова сейчас, в эпоху цифровой коммуникации: мы рискуем совсем утратить эпистолярный жанр. Ратуя за любопытство к жизни семьи, к деятельности предков, Вяземский видит в этом пытливом знании прежде всего «поучительные примеры для своего гражданского поведения», но и не только: семейная, а шире – общественная память – это и есть «на земле бессмертие, к которому временная жизнь наша прицепилась бы звеном соединения и залога» [1]. Впоследствии в предисловии к письмам братьев Булгаковых он даст более чёткое определение своей цели обращения к про-

¹ Фонвизин Д. И. Рассуждение о неперемennых государственных законах // Фонвизин Д. И. Сочинения. М.: Правда, 1981. С. 206–208.

шлому: «Для отыскания жизни, то есть того, что было жизнью для меня, я не могу ограничиться одною внешностью. Я должен делать разыскания в глубине почвы, давно уже залитой лавой минувшего».¹ Это перекликается с его ранним стихотворением «Я пережил и многое, и многих...»: «По бороздам серпом пожатой пашни / Найдёшь ещё, быть может, жизни след...»²

Хрестоматийное пушкинское о Фонвизине «сатиры смелый властелин», «друг свободы» наполняются кровью и плотью, когда начинаешь читать не только школьного «Недоросля» (1781), но и более раннего «Бригадира» (1769) или басню «Лисица-Казнодей» (1762–1763), но и «Письма из Франции» (1777–1778), ходившие в списках, повесть «Каллисфен» (1786), «Рассуждение о неперменных государственных законах» (1783), так и не опубликованные при жизни Фонвизина. Способность к *медленному чтению* дала возможность кн. Вяземскому нащупать и определить многослойность тем и образов фонвизинского наследия. Опираясь на мысль Гершезона, что «критик непременно в чём-то основном конгениален художнику, о котором пишет, потому что иначе он не увидел бы его видения» [4, с. 18], мы считаем, что поэт Вяземский более чем кто-либо понял всю полноту личности Фонвизина, обратившись к его творчеству почти полвека спустя: да, поздновато, но тогда он застал ещё людей, знакомых с Фонвизиним.

Исследование одной судьбы, одной биографии привело «неленивого и любопытного» кн. Вяземского к размышлениям о двойственности характера истории литературы вообще. С его точки, зрения литература в некотором отношении «бывает двоякая»: с одной стороны, есть литература, которая «для народа то, что дар слова для человека: то, чем передаёт он

себя ближним и потомству; то, чем он человек, то есть существо мыслящее и чувствующее» [1]. С другой – «литературу можно причислить к искусствам изящным; к ваянию, к живописи, к музыке» [1]. Отечественную литературу кн. Вяземский относит ко второму ряду: по его мнению, вся отечественная литература, от Ломоносова до Пушкина, суть «в разряде вспомогательных, уже благоприобретённых способностей, коими ум человеческий прихотливо выражает мысль свою» [1]. Отечественная литература, по парадоксальному понятию поэта кн. Вяземского, «не есть жизнь народа нашего...; она не народный дар слова, не народный глагол, а одно изящное выражение народа, как музыки или живописи», а поскольку «русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы», то по сравнению с ним она, литература, «несколько тщедушна», поэтому он делает весьма нелицеприятный, но справедливый вывод: «не найдём мы признаков, что литература отечественная входит в состав гражданского быта нашего, в число богатств нашего нравственного достояния» [1].

Пройдёт не так уж и много времени, как место литературы в жизни общества станет иной: русская литература станет истинным нравственным богатством российского общества.

**«Он был преимущественно писатель
драматический и сатирический,
следовательно, живописец и поучитель
нравов» (кн. П. А. Вяземский)**

Обращаясь к наиболее авторитетным авторам, изучившим биографию драматурга, мы полагаем, что именно в это время Фонвизин подвергся наиболее значительным идеям буржуазного просвещения, попадавшим на отечественную почву из *прекрасной Франции*: «Это была отчасти мода, отчасти – серьёзное увлечение передовой дворянской молодёжи» [5, с. 160], т. к. отмечено, что «отражение лучей, бросаемых Франциею, было не чуждо и вершинам нашего общества» [1].

¹ Вяземский П. А. Воспоминания о Булгаковых // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888. С. 190.

² Вяземский П. А. Стихотворения // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. С. 218.

Кн. П. А. Вяземский, признавая сильное влияние французской литературы на русскую, с грустью сетовал, что «нет у нас доньше литературы истинной, полной, коренной, литературы, которая была бы живою отраслью государственного благоденствия и непосредственным существованием людей» [4]. Личное творчество поэта Вяземского было именно тем вкладом, который отвечал его собственным желаниям и взглядам на литературный процесс в целом, и это же он видел в наследии Фонвизина.

Он отмечал, что, являясь по сути столичным жителем, Фонвизин талантливо изобразил жизнь русской провинции своего времени: его «Бригадир» и «Недоросль» и есть сама жизнь – та, далёкая от нас, но очень реальная. События, описанные в комедиях, слишком повседневны, обыкновенны, пошлы в первоначальном значении этого слова, т. е. обыденны.

Образы героев фонвизинских комедий не просто портреты обывателей XVIII в.: бригадир и советник, бригадирша и советница, Простаковы и Скотинины, Вральманы, Кутейкины и Цифиркины, Митрофанушка и Еремеевна – они герои и сегодняшнего дня, они и есть сама жизнь: «всё здесь обозначено конкретно точно и достоверно – вещи, поведение героев, быт и т. д. ... Вообще все сцены, в которых является Простакова, исполнены жизни и верности, потому что характер её выдержан до конца с неослабевающим искусством, с неизменяющею истиною. Смесь наглости и низости, трусости и злобы, гнусного бесчеловечия ко всем и нежности, равно гнусной, к сыну, при всём том невежество, из коего, как из мутного источника, истекают все сии свойства, согласованы в характере её живописцем сметливым и наблюдательным. В последних явлениях автор показал ещё более искусства и глубокого сердцеведения» [1].

Действующие лица не произносят речи для публики, а живут своей жизнью, пьют чай, играют в карты, спорят и т. д.» [3, с. 136], а образ бригадирского сына Ивана-галломана, созданный драматургом, на-

глядно показал, как «паразитические условия существования помещиков воспитывают не только тупого и жестокого тунеядца, но и холодного, расчётливого эгоиста, циника и развратника, ярого ненавистника отечества, бездушное существо, не знающее ни рода, ни племени» [3, с. 142]. Значит ли это, что Фонвизин, смеясь над приверженцами западной культуры, предлагает вместо «галлоши» говорить «мокроступы» или вместо «трогуара» – «топталище»? Нет, конечно! Он выступает против поверхностности! Он против того, чтобы достоинства человека видели только в том, что тот был в Париже, как это проповедует Советница из «Бригадира». Как не вспомнить песню В. Высоцкого: «Но что ей до меня – она была в Париже, / И сам Марсель Марсо ей что-то говорил!»¹ Фонвизин против того, чтобы русский человек изъяснялся на чудовищном волапюке: «Мериты должны быть всегда уважаемы» или «а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтобы вы о своём вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня кантантировать?»² Основы западной цивилизации проникают в Ивана-галломана лишь на внешнем и самом примитивном уровне, что ведёт всегда к пренебрежению отеческим наследием. Это всегда удел неграмотного человека, это признак неуча или в лучшем случае недоучки, «троечника», выражаясь современным языком! Фонвизин обращает внимание читателя как на типические явления в помещичьей среде, так и шире – предлагает задумываться о самих основах устройства государства российского: что же творится в государстве, если среди дворянства царят «дикость нравов, тупоумие, развращённость, политическое неразумие» [4, с. 160]?

Рисуя Бригадира и Советника, показывая их обоюдную предельную амораль-

¹ Высоцкий В. Она была в Париже [Электронный ресурс] // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/19167/ona-by-la-v-parizhe> (дата обращения: 23.10.2024).

² Фонвизин Д. И. Бригадир // Фонвизин Д. И. Сочинения. М.: Правда, 1981. С. 57.

ность, всё-таки в Бригадире автор видит некоторые положительные черты: и то, что тот воин, хотя и тупой солдафон-служака; и то, что весьма неглуп, хоть и ужасно примитивен; и то, что не кривит душой – раз считаешь, что влюблён, так и объясняйся чётко, как можешь: «Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один первый их выстрел прострелил навывлет моё сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным. ... Представь себе фортецию, которую хочет взять храбрый генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храбрый полководец, а ты моя фортеция, которая, как ни крепка, однако брешу в ней сделать можно».¹ Видимо, всё это при тщательном разборе данной комедии дало возможность Н. Г. Чернышевскому отметить, что «Бригадир лучшее лицо в комедии, живой, и часто натурально действующий человек» [6, с. 830]. «Бригадир» Фонвизина – это прежде всего идея самоуважения: подлинного просвещения и основательного образования, национального самосознания, гражданственности, высокой моральной культуры и нравственности. На фоне Бригадира его Советник – абсолютное зло: взяточник, чиновник, бюрократ, коррупционер, а такие люди всегда враги государства и народа. Камушек в огороде власть имущих – Екатерины II, Потёмкина и других бесчисленных попавших в случай фаворитов.

Граф Н. И. Панин, с кем жизнь Фонвизина была связана очень тесно, «увидел главное, почувствовал и понял то, к чему он сам сознательно стремился, – запечатлеть жизнь такой, какова она есть, сделать снимок с действительности, передать живые характеры русских людей, отказаться от подражания, от схем, от правил и рецептов» [3, с. 147]. И это драматургу вполне удалось! «И в бригадире, и в советнике, и в Иване, именно потому, что они были жизненны, читатели сразу узнавали своих современников. Никита Панин, например, немедленно по про-

чтении Фонвизиним комедии сказал ему: “Я вижу ... что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тётушку, или какую-нибудь свойственницу”. И добавил: “Это в наших нравах первая комедия ... и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставя говорить такую дурицу во все пять актов, сделали, однако, роль её столько интересною, что всё хочется её слушать; я не удивляюсь, если сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования”» [3, с. 290]. Яркий сатирический дар, «живость характера и природная наблюдательность» [3, с. 26] поставили Фонвизина в первые ряды не только литературных, но и политических деятелей России в эпоху Екатерины II.

Взаимопроникновение европейских общественно-литературных идей

Фонвизин не единожды бывал за границей, но особенно долго он путешествовал по Европе в 1777–1778 гг. Цель была достаточно прозаическая: жене, Катерине Ивановне, требовалось лечение в Монпелье, на юге Франции, где надо было пройти курс. Супруги во время этой поездки посетили не только Францию, но и Польшу, и Германию. После успешного лечения Фонвизины прибыли в Париж: «Распорядок дня для Фонвизина во время пребывания во Франции был напряжённым. Он много ходил пешком, осматривал достопримечательности, наблюдал жизнь людей, изучал философию, юриспруденцию, посещал приёмы в знатных домах, куда был зван, и, конечно, театры» [7, с. 54]. Во Франции он пробыл довольно долго, и своими глазами фиксировал, как «буржуазия шла на штурм власти», а «феодализм разваливался на глазах» [5, с. 158]. Но это совсем не вдохновляло писателя, он видел, что страна не становится свободной: на смену одной власти приходит другая и, может, ещё более страшная, ибо это голая бездушная власть денег; в пись-

¹ Фонвизин Д. И. Бригадир // Фонвизин Д. И. Сочинения. М.: Правда, 1981. С. 61.

ме Н. И. Панину от 24 декабря 1777 года он напишет: «Первое право каждого француза есть вольность; но истинное настоящее его состояние есть рабство; ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою; а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностью, то должен будет умереть с голоду. Словом, вольность есть пустое имя, и право сильного остаётся правом превыше всех законов».¹

«Письма из Франции (1777–1778)», ходившие долгое время среди его современников в списках (первая публикация двух писем состоялась уже после смерти автора, в 1798 году), дали возможность Д. Святополку-Мирскому прозорливо отметить, что «это самая изящная проза той эпохи и одновременно – поразительный документ антифранцузского национализма, уживавшегося у русской элиты екатерининского времени с полнейшей зависимостью от французского литературного вкуса» [8, с. 105]. Нет, жизнь во Франции Фонвизина раздражала: он увидел страшное явление, когда «злоупотребление продажи чинов» привело к тому, что «при невероятном множестве способов к просвещению глубокое невежество весьма нередко», отсюда результат: в обществе «или рабство, или наглость разума».² Не прошло мимо его внимания религиозное состояние общества: «Попы, имея в руках своих воспитание, вселяют в людей, с одной стороны, рабскую привязанность к химерам, выгодным для духовенства, а с другой – сильное отвращение к здравому рассудку».³ Атеистические наклонности, зародившиеся дома, нашли подтверждение в прекрасной Франции: он яро настроен против официальной церкви и даже становится её врагом. Но значит ли это, что Фонвизин стал атеистом? Нет! Крайности он не приемлет ни в каком виде. Он интере-

суется всеми сторонами жизни Франции, но это ему интересно только с одной стороны: как это можно применить в России, чтобы там стало лучше? Его портреты французских мыслителей были весьма нелицеприятны: «Д`Аламберты, Дидероты в своём роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре».⁴ Покинув Францию, уже из Германии Фонвизин напишет Панину: «Пребывание моё в сём государстве убавило сильно цену его в моём представлении. Я нашёл доброе гораздо в меньшей мере, нежели воображал, а худое в такой большой степени, которой и вообразить не мог».⁵

Исследователями было отмечено, что «при чтении писем из Франции в глаза бросается категоричность суждений, раздражительность, временами неприязненность и предвзятость оценок Фонвизина. Возникают вопросы: почему Франция произвела такое тягостное впечатление, чем вызвана неприязнь к ней автора писем?» [7, с. 56], ведь при этом, «хотя Фонвизин бранил французских просветителей, – он вовсе не был чужд их учений. В основе его концепции идеального государства, и в частности идеальной России, лежит учение Монтескьё... всеми силами своей души он ненавидел деспотию, неограниченное “беззаконное” самодержавие, ненавидел вместе с Монтескьё и с его гораздо более радикальными учениками. Деспотия – это было правительство Екатерины II, правительство Потёмкина. “Царь, коего самовластие ничем не ограничено”, – первый враг Фонвизина» [5, с. 164].

Как известно, партия Панина проиграла Потёмкину, но драматург не изменил своих взглядов на русское самодержавие: он «выступает в своей басне («Лисица-Казнодей». – В. Б.) как ненавистник российской деспотии, российских политических порядков вообще и в то же время как ненавистник духовенства, елейно прославлявшего всё то, что возмущало Фонвизина» [5, с. 158].

¹ Фонвизин Д. И. Письма из Франции к одному вельможе в Москву // Викитека: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_из_Франции_к_одному_вельможе_в_Москву_\(Фонвизин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_из_Франции_к_одному_вельможе_в_Москву_(Фонвизин)) (дата обращения: 23.10.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Вяземский везёт к вам Жизнь Фон-Визина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги» (Пушкин – Плетнёву)

Биограф Вяземского В. Бондаренко отметил, что сам Вяземский считал, что все книги имеют свою судьбу, и доказательно прокомментировал: «ко всем его книгам применим один эпитет – несчастливая» [9, с. 321]. Особенно та, рассматриваемая нами – «Фон-Визин», ставшая «сублимацией его записок» [9, с. 321]. «Книга “Фон-Визин”, – продолжает он, – выделяется даже на этом невесёлом фоне – завершённая в 1830 году, она пролежала в столе восемнадцать лет ... и не получила и десятой доли того успеха, который ей предрекали первые читатели... И её тоже оценили в полной мере, пожалуй, лишь несколько человек, среди которых были, правда, Пушкин, Тютчев и Гоголь» [9, с. 322]. И по тому, что книга была написана «не другом, не родственником и не учеником Фонвизина», и по тому, что «автор заметно абстрагируется от своего героя», и по тому, что «сам автор и есть главное действующее лицо книги», как ни парадоксально это звучит! – «“Фон-Визин” был трудом новаторским» [9, с. 325]: «Книга стала для Вяземского и полем спора с противниками “Литературной газеты”, и обширным очерком современного состояния литературы, и записной книжкой, куда выплеснулось несколько монологов о России и русских» [9, с. 326]. Вяземский пишет о «значении литературы вообще» и о «двойственности её характера», делает экскурс в историю, рассуждая о вкладе в русскую литературу Ломоносова, Державина, Богдановича, Карамзина, Дмитриева, Озерова, Крылова, Жуковского, Пушкина; его интересует, насколько литература «выражает» общество и имеет ли свою оригинальность, а также влияет ли литература на народ; его интересует, благотворно ли влияние французской литературы на русскую, он задаёт риторический вопрос: есть ли у нас театр? и сам пространно от-

вечает на него: и да, и нет! Да, он делит творчество Фонвизина на периоды, он прослеживает генеалогию Фонвизиных, пишет о начале литературной деятельности, службе у Елагина и Панина, анализирует басню, послание и отказывает Фонвизину в поэтическом таланте, анализирует его комедии, утверждая, что «В “Бригадире” автор дурачит порочных и глупцов, язвит их стрелами насмешки; в “Недоросле” он уже не шутит, не смеётся, а негодует на порок и клеймит его без пощады» [1]. Но вывод весьма неутешительный: автор «далеко не дошёл до геркулесовых столпов драматического искусства; можно сказать, что он и не создал русской комедии, какова она быть должна; но и то, что он совершил, особенно же при общих неудачах, есть уже важное событие» [1]. Обращаясь к комическому таланту Фонвизина, Вяземский отмечает, что «литература до последнего дня его была ему живым источником весёлых вдохновений, бодрости и забвения житейских недугов и лишений» [1]. Немощный физически, Фонвизин обладал, по воспоминаниям очевидцев, «не совсем угасшим пламенем умственной и внутренней силы. Он был ещё словоохотлив и остроумен» [1]. В последний вечер своей жизни «он забавно рассказывал о каком-то уездном почтмейстере, который выдавал себя за усердного литератора и поклонника Ломоносова. На вопрос же, которая из од его ему более нравится, отвечал он простодушно: “Ни одной не случилось читать”» [1]. Этот смешной эпизод стал для Вяземского поводом для саркастического высказывания о современной критике: «Если бы ныне допросить многих из так называемых критиков наших, которые повелительно рьят и судят о Ломоносове и о других, по их мнению, допотопных явлениях словесности нашей, то и они добросовестно должны были бы сознаться, что и им не пришлось читать ни Ломоносова, ни Петрова, ни Сумарокова, ни Хераскова, ни Богдановича, которых, однако же, перечитывали и изучали Жуковский, Батюшков и Пушкин. Для нового поколе-

ния нашего, которое до головокружения, беспамятства и одышки бежит за успехами века, для этих *почтмейстеров* новейшей литературы, озабоченных также гоньбою времени, некогда и не для чего оглядываться обратно. Они знают, и то мимоходом, только тех проезжих, которые налицо, а вчерашние давным-давно канули для них в вечность» [1].

Заключение

Обращаясь к творчеству Фонвизина, Вяземский постоянно и ненавязчиво сравнивает две эпохи: Екатерининскую, в которой жил Фонвизин, и Николаевскую, в которую жил и писал о Фонвизине он сам. И его эпоха явно проигрывала фонвизинской: «Это – биография Фонвизина?.. Да, но это и записки Вяземского. Сквозь черты Фонвизина слишком явственно прогляды-

вало сумрачное и умное лицо князя. Сквозь его восхищение веком Екатерины прорывалось возмущение веком Николая» [9, с. 330].

280 лет прошло со дня рождения Дениса Ивановича Фонвизина. Современные средства позволяют увидеть портрет Фонвизина в движении: искусственный интеллект способен и на это. Денис Иванович улыбается!

Но можно и не прибегать к столь модному и весьма сомнительному средству: нужно просто открыть том его произведений и остаться наедине с автором, его героями, его эпохой, погрузившись в такое далёкое прошлое, отголоски которого благодаря неувядающей сатире Фонвизина слышим мы и сегодня.

И Пётр Андреевич Вяземский явил нам прекрасный образец записок *о времени и о себе*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П. А. Фон-Визин [Электронный ресурс] // Викитека: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Фон-Визин_\(Вяземский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Фон-Визин_(Вяземский)) (дата обращения: 23.10.2024).
2. Белинский В. Г. Взгляд на литературу 1846 года // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, 1948. С. 641–684.
3. Люстров М. Ю. Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. 318 с.
4. Гершензон М. О. Видение поэта. Петроград: Государственное издательство, 1919. 80 с.
5. Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: в 10 т. Т. 4. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 152–200.
6. Чернышевский Н. Г. О «Бригадире» Фонвизина (1 редакция) // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1949. С. 792–836.
7. Моряков Д. И. Фонвизин о Франции последней трети XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 52–68.
8. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2006. 874 с.
9. Бондаренко В. В. Вяземский. М.: Молодая гвардия, 2014. 2-е издание. 736 с.

REFERENCES

1. Vyazemsky, P. A. (1880). Fon-Vizin. In: Wikisource. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Фон-Визин_\(Вяземский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Фон-Визин_(Вяземский)) (accessed: 23.10.2024) (in Russ.).
2. Belinsky, V. G. (1948). A look at the literature of 1846. In: Belinsky, V. G. *Collected Works. Vol. 3*. Moscow: OGIZ, State Publishing House of Fiction, pp. 641–684 (in Russ.).
3. Lyustrov, M. Yu. (2013). *Fonvizin*. Moscow: Young Guard Publ. (in Russ.).
4. Gershenzon, M. O. (1919). *Vision of the Poet*. Petrograd: State Publishing House (in Russ.).
5. Gukovsky, G. A. (1947). Fonvizin. In: *History of Russian Literature. Vol. 4. Part 2*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., pp. 152–200 (in Russ.).
6. Chernyshevsky, N. G. (1949). About Fonvizin's "The Brigadier" (1st edition). In: Chernyshevsky, N. G. *Complete Works. Vol. 2*. Moscow: Fiction, pp. 792–836 (in Russ.).
7. Moryakov, D. I. (2011). Fonvizin on France in the Last Third of the 18th Century. In: *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*, 3, 52–68 (in Russ.).

8. Svyatopolk-Mirsky, D. (2006). History of Russian Literature from Ancient Times to 1925. Novosibirsk: Svinin i Sons Publ. (in Russ.).
9. Bondarenko, V. V. (2014). *Vyazemsky*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна (Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский международный университет»;
e-mail: zaglobav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova (Moscow) – Cand. Sci. (Philological Sciences), Ass. Prof., Moscow International University;
e-mail: zaglobav@mail.ru